

— Можно использовать не оригиналы, а копии? — Лу Ли, глядя на вынесенный ящик, полный черновиков, с ностальгией произнес.

Он и не ожидал, что за годы накопилось столько записей.

— Можно, — кивнул Ноэль. — Для проверки данных важны лишь сами записи, а не то, оригиналы это или копии.

— Тогда забирайте и сделайте копии, — улыбнулся Лу Ли.

Ноэль кивнул и приказал помощнику забрать черновики. Остальные математики, пришедшие сюда, в основном хотели увидеть, как выглядит юный гений, доказавший гипотезу Пуанкаре, и узнать, не сломил ли его удар, нанесенный Галилем. Убедившись, что Лу Ли выглядит спокойно, они потеряли интерес и, следуя за черновиками, стали ждать копий, чтобы начать проверку.

— Лу Ли, это Галиль. Я знаю, у тебя много вопросов. Можешь спросить его, — Ноэль подвел к комнате Лу Ли стройного мужчину, подтолкнул его внутрь и, улыбаясь, закрыл дверь.

Высокий, с идеальными чертами лица, Галиль, несмотря на болезненную бледность и потухший взгляд, выглядел как истинный джентльмен из Страны Y.

Лу Ли, глядя на Галиля, прижавшегося к двери, почувствовал интерес. У него действительно было много вопросов, но странная напряженность в позе Галиля вызвала недоумение.

Только Лу Ли встал, как Галиль, и без того прижатый к стене, напрягся еще больше, сжал губы и уставился на него с тревогой, будто ожидая чего-то страшного.

Погодите, что-то здесь не так!

Лу Ли замер. Он помнил, каким Галиль был на сцене, но сейчас тот казался совсем другим, и в этом было что-то знакомое.

— Господин Галиль, вы... — тихо начал Лу Ли, и, увидев, как тот еще больше напрягся, вдруг понял, почему это показалось ему знакомым.

Это же точно так же, как он сам вел себя с людьми, которых знал, но не был близок.

Социофобия.

Лу Ли едва сдержал улыбку. Хотя он еще не знал, зачем Галиль поступил так, он начал понимать, почему тот говорил такие резкие вещи по телефону.

Будучи бывшим социофобом, Лу Ли хорошо понимал, что сейчас чувствует Галиль — желание стать невидимкой, чтобы никто не обращал на него внимания.

Но сейчас он не мог позволить Галилю оставаться в таком состоянии, ведь у него были вопросы.

Пригласив Галиля сесть на диван, Лу Ли сначала подал ему сладкий напиток, чтобы помочь расслабиться, затем сел подальше и, увидев, что тот немного успокоился, начал задавать вопросы.

Пропустив несколько простых, Лу Ли перешел к главному:

— Господин Галиль, зачем вы тогда так поступили?

Этот вопрос больше всего интересовал Лу Ли.

Не ожидая такой прямоты, Галиль промолчал, затем, после долгого колебания, тихо ответил:

— Не думайте, что я поступил благородно. В этом была и моя личная выгода.

— Личная выгода? — Лу Ли повторил эти слова, с удивлением глядя на Галиля.

— Можете рассказать, в чем она заключалась? — осторожно спросил он.

Галиль нахмурился, и Лу Ли уже подумал, что тот не ответит, но он кивнул и начал:

— Через два месяца будет вручение премии Офея. Мой отец номинирован на награду за жизненные достижения, и это то, чего он больше всего хотел при жизни.

Гордостью моего отца была его работа над гипотезой Пуанкаре, хотя сейчас ясно, что его подход был ошибочным. Если вашу работу сразу признают теоремой, его достижения в математике окажутся в тени.

Обычно это не было бы проблемой, но у него есть соперник, который не простит его ошибки, поэтому мне пришлось на время вас задержать.

Закончив, Галиль взглянул на Лу Ли, и тот вспомнил, что читал о математической династии.

Видя ясный и честный взгляд Галиля, Лу Ли вздохнул. Хотя он, казалось, пострадал, на самом деле выиграл, лишь отложив получение признания на несколько месяцев, что его не слишком беспокоило.

Заметив, что Лу Ли не обижен, Галиль расслабился, его спина, до этого прямая, согнулась, и он выглядел гораздо спокойнее.

Как бы он ни оправдывал свои действия и какие бы блага ни обещал Лу Ли в будущем, ущерб все же был нанесен, и это не могло не тревожить.

Лу Ли сразу понял, о чем думает Галиль. Не то чтобы он был экспертом в человеческой психологии, но характер Галиля напоминал его собственный в прошлом, и он легко мог представить его мысли.

Такой характер действительно...

Лу Ли вздохнул, взгляд его стал мягче, и, продолжая разговор, он неожиданно спросил:

— Как у вас с исследованиями гипотезы Пуанкаре?

— Я дошел до середины, но... — Галиль замолчал, не закончив фразу.

При упоминании этого Лу Ли почувствовал вину. Хотя он не хотел, чтобы все так получилось, факт оставался фактом: главное достижение Галиля теперь стало его заслугой.

Как же это компенсировать?

Лу Ли нахмурился. Только он знал об этом, и просто отдать работу Галилю было невозможно.

Даже если другие не возражали, сам Галиль, вероятно, не принял бы такой жертвы.

Но что же делать? Лу Ли закусил губу, погружившись в раздумья.

— Могу я участвовать в проверке данных? — неожиданно спросил Галиль.

Лу Ли кивнул и вдруг осознал, что не может просто передать авторство, но может добавить имя Галиля в соавторы.

Если другие увидят, что Галиль внес вклад в работу, его имя можно будет добавить, и, хотя это не будет полноценным признанием, оно все же будет значимым. А в будущем он сможет как-то компенсировать это.

— Конечно, — ответил Лу Ли, затем заколебался. — Но ваше здоровье... Все в порядке?

— Ничего страшного, я справлюсь, — ответил Галиль, слегка улыбнувшись.

Зная, что тот не говорит правды, Лу Ли попытался осторожно выяснить больше, но безрезультатно, и ему пришлось смириться.

Лу Ли приехал в Страну М только для участия в Международной математической олимпиаде. Теперь, когда соревнования завершились и награды получены, а вопрос с работой улажен, у него не было причин оставаться. Добавив к этому непривычную кухню, Лу Ли почти бегом покинул Страну М.

При посадке на самолет, попрощавшись с Осом и другими, Лу Ли вместе с Линь Янем поднялся на борт, разместил багаж и быстро выпил стакан ледяного лимонада, чтобы взбодриться. Затем, глубоко вздохнув, надел маску для сна и устроился в кресле.

Впереди было более десяти часов полета, и Лу Ли не хотел повторять прошлый опыт, надеясь проспать весь путь.

Вдыхая легкий аромат, исходящий от Линь Яня, Лу Ли постепенно погружился в сон, слыша лишь тихие шаги проходящих мимо людей. Со временем он крепко уснул.

Линь Янь, почувствовав, что дыхание рядом стало ровным, посмотрел на Лу Ли. Тот уже спал, лицо его было спокойно, а левая рука опустилась на бок.

В этот момент стюардесса принесла плед, и Линь Янь, приняв его, аккуратно укрыл Лу Ли, чтобы тот не замерз, ведь в салоне было довольно прохладно.

Внезапно Лу Ли услышал слабый плач и, раздраженный, проснулся. Посмотрев на часы, он с досадой вздохнул: прошло всего три часа.

Еще восемь-девять часов впереди. Как же это пережить?

— Что происходит? — раздраженно пробормотал мужчина средних лет, разбуженный громким плачем из соседнего салона. — Пусть стюардессы разберутся и заставят тех успокоиться, не мешают же людям отдыхать.

Стюардесса согласилась, ведь шум беспокоил не только его, и она и так собиралась проверить ситуацию.

<http://bllate.org/book/16670/1528875>